

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	76
Глава 4	112
Глава 5	147
Глава 6	180

Глава 1

С чего начинается хорошее утро? Можете быть уверены — каждый житель Уиллоу-Брук, маленького городка, затерянного среди зеленых холмов Нортгемптоншира¹, точно знает ответ на этот вопрос. Хорошее утро начинается с чашки горячего чая с молоком, свежей газеты и передачи «Привет, соседи» по радио. Рассветные лучи заливают обеденный стол, сонный ветерок поглаживает головки садовых роз за окном, и все в мире напоено спокойствием и любовью.

Но утро Мэри Даннинг, владелицы чудесной пекарни «Сладкие грезы», в этот злополучный день началось, увы, совсем по-другому.

¹ Нортгемптоншир — графство в центре Англии. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

— Мяу!

— Дз-зынь!

Мэри подскочила на постели, едва не сбив ночную лампу и томик рассказов колониальных писателей¹, который она мучила накануне вечером. Ей снилось, как она получает почетный приз конкурса «Кондитер Уиллоу-Брук» из рук самой королевы, но в самый ответственный момент королева вдруг успела выронить ценную статуэтку в виде хрустальной скалки, и та, упав на каменный пол парадного зала Букингемского дворца, разлетелась вдребезги, заставляя Мэри вынырнуть из пучины сновидений. Она встряхнула головой, облепленной розовыми папилютками², и прислушалась к звукам просыпающегося дома. Сомнений не было — что-то только что со звоном разбилось на кухне. И она точно знала, кто причастен к этому преступлению.

— Маффин! Если ты расколотил мой любимый молочник, я обрею тебя налысо!

Мэри по привычке глянула на себя в круглое зеркало на подставке, стоящее на прикроватном столике. Оттуда на нее посмотрела недовольная сорокатрехлетняя женщина с невыспавшимся ли-

¹ Представители колониальной литературы, особенность произведений которых в том, что они написаны в период времени, когда одна страна активно участвовала в колонизации или была ей подвластна.

² Папилютка — небольшой жгут ткани или бумаги, на который до изобретения бигуди накручивали прядь волос для их завивки.

ПИРОЖКИ СО ВКУСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

цом, довольно миловидная, с большими карими глазами и очаровательным, слегка вздернутым носиком. Если учесть, что вчера, пытаясь не уснуть над колониальными писателями, она выпила три чашки чаю перед сном, отражение в зеркале могло быть и хуже. Мэри вздохнула, сунула ноги в пушистые тапочки со стельками из искусственного меха и, путаясь в кружевном подоле ночной рубашки, поспешила на кухню.

Толстый, вальяжный рыжий кот, который обычно вел себя как самый надменный представитель древнейшего аристократического рода, предстал перед хозяйкой растерявшим весь свой кошачий аристократизм. Пушистые штаны и роскошный хвост Маффина, предмет его необычайной гордости, самым нелепым образом торчали из высокого резинового сапога. Обувь Мэри поставила на просушку после вчерашней работы в саду — когда она подрезала кусты бирючины, ее застал дождь, налетевший на Уиллоу-Брук вопреки прогнозу. Вчере сапоги мирно стояли на полочке для садовой обуви под серым рабочим макинтошем. Теперь макинтош свалился с вешалки, а рядом с сапогами валялись осколки замечательного стаффордширского молочника, расписанного чудесными бузинными листьями. Того самого, любимого.

Мэри тут же восстановила картину событий. Усатый негодник хотел перепрыгнуть с холодильника на полку с посудой, но не долетел и, сбив

молочник с краю полки, угодил прямиком в сапог, перекувыркнувшись в полете и содрал плащ с вешалки в отчаянной попытке за него уцепиться.

Лапы Маффина болтались в воздухе, сапог ходил ходуном, но прочно держал своего нечаянного узника.

— Мр-р-ряу! — глухо доносилось из голенища.

Мэри сокрушенно разглядывала черепки на полу. Молочник был свадебным подарком от тетушки и, что греха таить, единственным приятным воспоминанием о неудачном браке с Полом Гарфилдом — архитектором, коллекционером старинных монет и абсолютным засранцем (по версии всех друзей Мэри и ее самой). Теперь молочнику пришел конец, и ничего приятного от ее распавшегося брака не осталось. Она вздохнула, подняла сапог и, перевернув его, потрясла. Пленник шлепнулся на пол, но тут же вскочил и принял свой обычный надменный вид, словно он не был только что застукан кверху задом в старом резиновом сапоге.

— Мяу!

Если бы Мэри так же свято верила в приметы, как ее покойная матушка, она решила бы, что это неудачное начало дня сулит ей всяческие неприятности в недалеком будущем. Но Мэри считала себя женщиной прогрессивных взглядов, поэтому она только вздохнула над остатками молочника и, присев, начала собирать осколки. А зря — ей

ПИРОЖКИ СО ВКУСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

следовало бы знать, что ничто не бывает столь точным и достоверным, как дурные предзнаменования.

Мэри хотела было что-то сказать коту, распустившему свой роскошный хвост, подобно павлину, но в эту минуту дверной звонок разразился мелодичной трелью. Маффин лениво повел ухом.

— Кто это в такую рань? — удивилась Мэри.

Высыпав осколки в мусорное ведро, она прошла через гостиную, по пути накидывая на плечи толстый домашний халат. Проходя мимо зеркала, она заметила на голове папильотки, но времени вытаскивать их уже не было. Звонок буквально надрывался, и Мэри поняла, что ее охватывает недоброе предчувствие. Но, распахнув дверь, она выдохнула с облегчением: на пороге обнаружилась ее ближайшая подруга Бет.

— Это ты? Я уже решила, где-то пожар.

— Хуже! — воскликнула Бет, проворно юркнув под мышкой у Мэри и оказавшись в ее гостиной.

Бет была кругленькой миловидной блондинкой — маленькой, как синичка, почти вдвое меньше своей подруги. Недавно ей исполнилось тридцать восемь лет, и двадцать из них она отдала бесплодным, но упорным попыткам стать писателем. Детективные рассказы и романы выходили из-под ее трудолюбивого пера с поразительной частотой, но, увы, отклика в сердцах издателей не находили.

В ожидании мировой славы Бет коротала дни, присматривая в качестве сиделки за старой, выжившей из ума леди Брайтли и поглощая детективы более успешных собратьев по жанру.

Бет, как и Мэри, была одинока, но если подруга немного тяготилась своим положением, то несостоявшаяся детективщица была всецело им довольна.

— Не хватало еще, чтобы дома у меня завелся муж с хорошей работой и положением в обществе. Не ровен час, он заставит меня готовить!

Сама Бет жила на гренках с сыром и маринованных яйцах, а также, разумеется, на знаменитой на всю округу выпечке Мэри. Вот и сейчас она еле заметно повела носом, пытаясь понять, не обломится ли ей кусочек свежееиспеченного пирога со сливочным кремом. Однако пирогами в доме не пахло. Тогда Бет плюхнулась в кресло, обитое линялым ситцем, и, выпучив глаза, чтобы придать драматизма своим словам, скорбно провозгласила:

— Мэри, ты не поверишь, что случилось! Это так ужасно, что ты лучше присядь.

— Что? Что там случилось? Да говори же! — Мэри объяла тревога, которая грозила перерасти в ужас. Что-то, но нагонять страху Бет умела как никто. И что не нравилось этим чертовым издателям?

— Рафферти пытались убить! Сегодня ночью кто-то напал на него прямо на пороге дома и хо-

ПИРОЖКИ СО ВКУСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

рошенько огрел по затылку! Как тебе? Я из этого еще целый роман заделаю!

— Боже правый! — по-старушечьи воскликнула Мэри. — Он жив?

— Когда его увозили врачи, был жив. Говорят, беднягу повезли в больницу Сент-Джеймс в Саммерлейке, а раз так — дело серьезное. Полиция уже на месте. Констебль¹ Эббот изображает из себя дико важную птицу. Первый раз, наверное, расследует что-то посерьезнее вытоптанного газона.

— Кому же потребовалось нападать на Рафферти? — воскликнула Мэри, которую ошеломили такие новости.

Уиллоу-Брук был самым тихим городком во всей Вселенной. Преступники, воры и убийцы со всего мира словно собрались на тайной конференции и решили его не замечать. Самым грозным преступлением здесь до сегодняшнего дня считалось ужасное воровство розовых кустов миссис Уотсон, причем, как оказалось впоследствии, злоумышленником в тот раз оказался не кто иной, как мистер Уотсон, недовольный слишком приторным запахом цветов, на которых была помешана его жена. Как-то под покровом ночи, пока миссис Уотсон мирно спала, приняв перед сном любимой вишневой настойки, мистер Уотсон выкопал часть кустов, росших под окном, и увез потерпевших

¹ Низший чин в полиции Великобритании или США.

в неизвестном направлении. Миссис Уотсон, проснувшись, подняла такой крик, что сбежалось полгорода. Мистер Уотсон не выдержал истерики жены и сам во всем признался через три дня, а кусты обнаружались в саду у одной старой леди, которая щедро заплатила за них мистеру Уотсону. Несмотря на то, что истории этой исполнилось уже пятнадцать лет и миссис Уотсон давно развелась с мистером Уотсоном из-за столь вопиющего предательства, случай с розовыми кустами до сих пор обсуждали и пересказывали всем, кто приезжал в Уиллоу-Брук — просто оттого, что больше ничего примечательного здесь не происходило. Местные полисмены походили на ленивых домашних котиков, а в полицейском участке всегда было тихо и пусто, если только не требовалось снять с дерева чью-то кошку или сделать замечание мальчишке, гонявшему по улицам на мотоцикле без глушителя.

Однако сегодняшнее утро нарушило привычный ритм жизни Уиллоу-Брук. Любому было понятно, что история с розовыми кустами будет передана забвению этим же вечером, а вместо нее в семейном кругу и на заседаниях книжного клуба горожане будут теперь с удовольствием обсуждать происшествие с кулинарным критиком Гленном Рафферти. Бет была так возбуждена произошедшим, что даже не могла спокойно сидеть на месте. Ей особенно тяжело давалась мирная реальность Уиллоу-Брук, ведь сюжеты писателю должна под-

ПИРОЖКИ СО ВКУСОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

брасывать сама жизнь. Какой прок детективнице жить в месте, где вообще ничего плохого не происходит?

— Кому могло потребоваться прибить Рафферти? Ты, наверное, шутишь, — нервно хихикнула Бет, — его же терпеть не мог весь город. Только не притворяйся, что сама не мечтала треснуть его своей мраморной скалкой, чтобы вправить мозги.

— Думай, что говоришь, дорогуша! — возмутилась Мэри. — Мне бы это и в голову не пришло.

— Ну, кому-то все-таки пришло, — пожалала плечами Бет, — и теперь неизвестно, выживет несчастный идиот или... — Она закатила глаза и скрестила руки на пухлой груди, достоверно изображая труп.

— Бет! — Мэри возмущенно уставилась на подругу, которая, нимало не смутившись, продолжила свой рассказ:

— Ты еще не знаешь самого главного! В рот ему запихали одну из твоих ежевичных тарталеток!

— Что? — Мэри показалось, что она ослышалась. Мало того что имя Рафферти и так связано с ней — все знали, что они на дух друг друга не переносили, — так еще и ее фирменные тарталетки были запятнаны этим отвратительным преступлением. Чего доброго, пострадает репутация кондитерской «Сладкие грезы». Да и о конкурсе, похоже, можно было забыть.